

«По тому, как человек, в первую очередь мужчина, относится к женщине — будь то мать, дочь, жена — можно судить о глубине его души, о его порядочности, воспитанности, моральной зрелости».

Михаил Поздняков

«Ночь. Свет фар ложится на полотно дороги, которая кажется бесконечной. Показываются мерцающие огоньки какой-то деревни. Вот уже можно разглядеть контуры хат, деревьев, электрических столбов. Страшно хочется, чтобы это была моя родная деревня. Чтобы хоть на миг очутиться в юности, где старые деревья в лунной паутине, полузамерзшие лужицы на стылой прошлогодней траве, высокий забор со скрипучей калиткой, за которой живет Она...»

Анатолий Резанович

«Если в глазах женщины мужчина видит ее душу и ему хочется воскликнуть: «Да святится имя Твое!» — такая женщина и есть воплощение Божьего дара».

Софья Шах

«Женщина, которая и умна, и мила — обычно нравится. Она хороша и в беседе, и танцующая, и за книгой... Но особенно она прекрасна тогда, когда с любовью готовит для другого обед или ужин. Например, нарезает за столом салат...»

Валентина Кадетова

«Второе имя женщины — любовь, а первое — мама».

Валентина Быстримович

«Женщина — это маяк в бушующем океане жизни, это мудрость и нежность, стойкость и слабость. Благословите женщину, она этого достойна!»

Мариэтта Репнина

«Женщина — вершина мироздания, потому что дарит жизнь и воплощает в себе любовь и красоту. В образе матери, Родины и отчего дома — всегда она, женщина...»

Андрей Душечкин

«Мать, дочь, сестра... Сколько ролей, сколько граней у женщины! Целая Вселенная! И в каждом из образов она неповторима. Как Земля — источник всего живого, так и женщина в любой своей ипостаси обладает великой созидательной силой».

Мария Липень

ЯНКА БРЫЛЬ
ЗБОР ТВОРАЎ. ТОМ 7.
ЛІРЫЧНЫЯ ЗАПІСЫ
І МІНІЯЦЮРЫ 1949—2005

В седьмой том Собрания сочинений народного писателя Беларуси Янки Брыля вошли циклы лирических записей и миниатюр 1949—2005 годов, в которых автор предлагает собственную оценку событий этих десятилетий и глубоко, по-философски их анализирует. Писатель поднимает актуальные и острые проблемы времени, осмысляет события повседневности, акцентирует внимание читателя на том, что кажется ему самым важным.

ЗАЛАТАЯ КАЛЕКЦЫЯ
БЕЛАРУСКАЯ ЛІТАРАТУРЫ
ТОМ 31. БЕЛАРУСКАЯ АПОВЕСЦЬ
1940—1960-Х ГАДОЎ

В очередном томе серии «Залатая калекцыя беларускай літаратуры» собраны четыре повести 1940—1960-х годов: «Абжыты кут» Алесея Осипенко, «Расці, Ганька» Алены Василевич, «Я помню...» Микола Лупсякова, «Расце мята пад акном...» Алексея Кулаковскаго. Талант этих писателей раскрылся в полную силу в жанре повести в обозначенные десятилетия. Главные герои их произведений предстают людьми со сложными судьбами, но с активной жизненной позицией. Они концентрируют вокруг себя напряженный нерв социальных, духовных и морально-этических проблем эпохи.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия и проза

4

МИХАИЛ ПОЗДНЯКОВ.

Шепнула верба над рекой...

Стихи. Перевод

с белорусского

Анатолия Аврутина

8

АНАТОЛИЙ РЕЗАНОВИЧ.

Падал снег.

Повесть. Перевод

с белорусского автора

54

СОФЬЯ ШАХ.

Где и когда?

Венок сонетов

60

ВАЛЕНТИНА КАДЕТОВА.

Запах аира.

Повесть. Перевод

с белорусского автора

86

АЛЕКСАНДР

ПАВЛОВСКИЙ.

Печали к весне растут.

Стихи

88

ВАЛЕНТИНА

БЫСТРИМОВИЧ.

Звездный ветер.

Рассказы

98

МАРИЭТТА РЕПНИНА.

Мимолетки.

Стихи

100

АНДРЕЙ

ДУШЕЧКИН.

Вспышки памяти.

Повесть-эссэ

Время. Жизнь. Литература

122

АЛЕСЬ КАРЛЮКЕВИЧ.

Дорога Алеся Бадака.
К 60-летию Алеся Бадака

Культурный мир

126

МАРИЯ ЛИПЕНЬ.

Поэзия
глазами фотомастера

Напоследок

КНИГОСФЕРА

134

ВАСИЛИЙ БАЮКАНСКИЙ.

Я счастлив...
Только и всего...
*Рецензия на книгу
Михаила Позднякова
«Полонез»*

138

ВАЛЕРИЙ ГРИШКОВЕЦ.

Еще одна Высота поэта.
*Рецензия на книгу
Феликса Чечека
«Сочинения»*

142

Авторы номера

ФЕВРАЛЬ 2026

Нёман

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

02 // 2026
февраль

Главный редактор
Наталья Николаевна КОСТЮЧЕНКО

*Редакционная коллегия:
Алесь Бадак, Виктор Васильев,
Мария Воинова-Стреха,
Вадим Гигин, Александр Коваленя,
Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков,
Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталья Шарангович, Виктор Шнип*

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Издается с 1945 года
Минск

Михаил Поздняков

**ШЕПНУЛА
ВЕРБА
НАД РЕКОЙ...**

ЛИРИКА

***

Сюда мне все дороги,
Сюда, пока живу.
И память, и тревоги
Все мучат наяву.

Сюда, где речка Греза,
Пригорок и луга.
Где встали аж до леса
Высокие стога.

Сюда, к родимой хатке
В сиреневой дали,
Где с лебедой вприсядку
Танцуют ковыли.

Сюда, где край мой милый,
Где все мое — до слез.
Где родичей могилы
Меж кленов и берез.

Где так же пахнет мятой,
Где рад мне каждый куст...
Где все, что в жизни свято
И без чего я — пуст.

***

В деревушку пустую, где рос,
Я приехал опять из столицы
Побродить средь печальных берез,
Землякам до земли поклониться.

Анатолий Резанович

ПАДАЛ СНЕГ

Повесть

ПРОЗА

Как мучительно думать о счастье былом,
Невозвратном, но ярком когда-то...

Александр Блок

I

В этот воскресный летний день конца девяностых Брест томился в душном мареве. На набережной реки Мухавец, за которой виднелся пограничный переход «Варшавский мост», былолюдно. Горожане неспешно прогуливались вдоль водной глади, катались на теплоходе, толпились у ларьков, чтобы купить мороженое и прохладительные напитки. К вечеру отдыхающих поубавилось: им начали досаждают комары. Опасаясь их укусов, статная высокая девушка в коротком ситцевом платье вылила из пластмассовой бутылки остаток воды себе на ладонь, освежила лицо, поправила густые русые волосы, спадающие на оголенные плечи, и направилась по вытоптанной дорожке в сторону центрального универмага.

Егор Руцкий, широколобый рослый мужчина спортивного телосложения, увидев девушку, инстинктивно двинулся ей навстречу. Когда она подошла к нему на расстояние вытянутой руки, он слегка наклонил голову и поздоровался. Девушка, опустив глаза, несколько секунд молчала, после чего замедленно ответила низким голосом:

— Добрый вечер.

Ее голос напоминал голос Татьяны Дорониной — известной советской актрисы. Руцкий удивился. В то же время в нем появилась некая растерянность, так как ни у кого из его знакомых прекрасной половины рода человеческого не было такого голоса — рожденного не в горле, не во рту, а где-

то глубоко в груди, что сразу завораживало и притягивало, как завораживает и притягивает все необычное и редкое.

— Хотелось, чтобы было именно так, — сказал Руцкий, чувствуя, как к его голове приливает кровь. — По-доброму.

Девушка опять на какое-то время замолчала, но теперь внимательно поглядела Руцкому прямо в глаза — она была почти одного с ним роста, — после чего доброжелательно произнесла:

— Мне бы тоже этого хотелось. Но не всегда наши желания совпадают с возможностями.

— Жаль, — искренне проговорил Руцкий.

— Да, жаль, — печально согласилась незнакомка. — Извините, мне пора.

Руцкий, пытаясь задержать приглянувшуюся ему девушку, захотел завязать с ней разговор.

— Вы действительно спешите? — спросил он.

Она утвердительно кивнула:

— Да.

В этом «да», сказанном с придыханием, было тепло, которое для Руцкого начало превращаться в жар. А еще ему послышался некий знак, обещание, которое обязательно должно исполниться.

— Тогда, если так, могу вас подвезти, — от волнения голос Руцкого дрогнул. — Здесь рядом припаркована моя машина. Обещаю доставить вас с комфортом туда, куда скажете. Хоть на край света.

Серо-голубые глаза девушки чуть-чуть потемнели. Руцкий приготовился услышать от нее строгий, а то и резкий ответ. Но она ничего подобного не сказала. Наоборот, краем губ улыбнулась и с пониманием проговорила:

— Спасибо, но это лишнее.

Увы, так и было. Но все же только для нее, а не для Руцкого, который неожиданно для себя не просто захотел, а почувствовал, что обязательно должен познакомиться с этой девушкой и, если в этом есть необходимость, предложить ей свою помощь.

— Понимаю: мы чужие люди, — как можно тактичнее выговорил он, желая произвести на нее самое хорошее впечатление. — А это, если подумать, неправильно: чужих людей не должно быть. Вы согласны?

— Отчасти, — благосклонно кивнула девушка.

— Вот, — констатировал Руцкий. — Именно поэтому мне ничего не остается, как спросить: как вас зовут?

На этот старый как мир вопрос Руцкий мог вообще не получить ответа. И это была бы вполне естественная реакция со стороны впервые увиденной им девушки. Но она назвала свое имя:

— Данута.

— Это правда? — Руцкий сделал вид, что не верит. — Польское имя.

— Да, — подтвердила девушка. — Так когда-то меня называли мои родители.

— А я Егор, — обрадовался Руцкий, подсознательно понимая, что между ним и Данутой уже есть некий виртуальный и даже энергетический контакт. Более того, это не случайное знакомство. — Где вас можно увидеть?

— Зачем? — пожала она плечами, уже с явным интересом глядя на Руцкого.

— Ну, хотя бы для того, чтобы мы не были чужими, — ответил он. — Во всяком случае, не чувствовали себя такими.

В голосе Руцкого появилась уверенность. Но она была слабой, как вылезший из земли и еще не окрепший росток кустика или дерева,

который упорно тянется к теплому солнцу. Девушка почувствовала это и тут же ответила:

— Я работаю в гостинице «Интурист». Переводчицей.

— А с какого языка переводите? — поинтересовался Руцкий.

— С английского, плюс хорошо знаю польский, — ответила Данута. — Я ответила на ваш вопрос?

— Конечно, — с благодарностью выдохнул Руцкий.

— Тогда удачи вам, Егор, — пожелала девушка. Зрачки ее глаз при этом расширились. — Удачи, — повторила она.

— Взаимно, — искренне и с возбуждением проговорил он своей новой знакомой.

Она быстро ушла, оставив после себя аромат сладковатых и незнакомых Руцкому духов. Возникло острое желание близости с ней.

«Увидимся... — Руцкий был в этом почему-то уверен. — Можно еще сегодня, время есть... Есть...»

Несмотря на то, что Руцкому шел пятый десяток, у него было достаточно сил и энергии, чтобы тут же бежать в «Интурист». Благо, гостиница находилась по соседству с универмагом. И он побежал бы, но все-таки сдержал себя, понимая, что спешить глупо: немедленное навязывание своей дружбы девушке, которую видишь в первый раз, обычно ни к чему хорошему не приводит. Руцкому это подсказывал как чужой, так и личный опыт.

«Подожду...»

Когда Руцкий подошел к своей машине — BMW пятой модели, настроение у него вдруг резко поменялось. Еще несколько минут назад радостный и почти по-детски счастливый, он нахмурился, заиграл желваками, с силой сжал пальцы правой руки в кулак, точно почувствовал опасность, к которой не был готов, но с которой придется биться. В этом состоянии Руцкий находился недолго — несколько секунд, но единственная морщина на его лбу сузилась до лезвия ножа.

II

Родной город Руцкого — Брест. Небольшой, пограничный, он хорош в любую пору года, привлекателен в любое время суток, а вот наиболее красив и загадочен ночью, когда горят городские фонари. Они разные и их много. Особенно на улице Советской, где фонари керосиновые, сделанные по старой технологии, и их по вечерам зажигает штатный фонарщик в форме далеких петровских времен. Когда на брестские фонари долго смотришь, то кажется, что огни в них дрожат, тянутся сквозь стекла к тебе, пытаются дотронуться, обнять, обещают согреть. Это завораживает, расслабляет, дарит чувство единения и общности с городом, его светом. Именно поэтому Руцкий всегда с любованием и признательностью гулял под фонарными огнями, пытался дотянуться до них руками, не опасаясь однажды сгореть и не вернуться к своей семье, которую любил. Правда, не настолько, чтобы дарить ей покой и быть спокойным самому.

И в этот раз Руцкий больше думал о себе, чем о своей жене, своих детях. Если говорить прямо, то мысли его были в «Интуристе». Туда он и направлялся, превышая скорость. Его BMW уже подруливал к проспекту Машерова — главной магистрали Бреста, чтобы повернуть налево и через пять-семь минут остановиться у входа культовой, построенной

еще в советское время, многоэтажной гостиницы. Но тут дорогу машине Руцкого перегородил долговязый инспектор ГАИ в звании капитана.

«Стась, — узнал его Руцкий. — Какого черта!..»

Он резко нажал на тормоз и приоткрыл водительскую дверцу.

— Ну?

— Баранки гну, — Стась был не в духе. — Я стою здесь, потому что на работе, а ты чего не спишь, катаешься?.. Второй час ночи.

— Не спится мне, — буркнул Руцкий.

— Не спится, — передразнил его Стась и почесал свой костлявый нос. — И поэтому превышаешь скорость?

— Извини, спешу. — Руцкий нетерпеливо надавил на газ. Двигатель машины заревел. — Потом позвоню тебе.

— Чувствую, Егор, зацепила тебя какая-то фифа... — Стась ухмыльнулся. — К ней торопишься?

— Возможно.

— Гляди, чтобы не остаться с пустыми карманами.

Слова Стася Руцкому не понравились.

— Тебе какое дело? — чувствуя, как к лицу по взбухшим венам хлынула кровь, выдавил он. — Если и так, то головная боль у меня, а не у тебя.

— Ты что, обиделся?.. — Стась, покрутив головой, сплюнул на асфальт. — Ничего такого не думай... Просто у меня нервы на взводе.

— У всех нервы, — заметил Руцкий. — Посмотри вокруг: у кого есть настроение. Люди хмурые, озабоченные, куда-то спешат.

— Это так, — стал оправдываться Стась. — Суета сует. Но я плюс ко всему со своей благоверной разругался. Хоть домой не приезжай. Представляешь?

— Бывает, — обронил Руцкий. — У меня в этом отношении с женой дела не намного лучше.

— Слушай, Егор, а давай поедим в привокзальный бар, — предложил Стась. — В нем ночью малоллюдно, тихо. Никто не потревожит. Выпьем, поговорим.

— Ты же на посту, — напомнил Руцкий Стасю.

— И что? — уставился он на собеседника. — Я хоть и сотрудник Госавтоинспекции, но все равно по статусу мент. Постоянно в напряжении. Ну, или почти постоянно. Значит, без отдыха — никак.

Руцкий махнул рукой:

— Ладно, поехали.

Вскоре они сидели в красноватой полутьме за круглым столиком друг против друга и пили виски. Стась при этом еще и курил. После очередной рюмки он тяжело выдохнул:

— Ну, выкладывай. Легче будет.

— Кому легче? — Руцкий не спешил говорить про Дануту. — Мне или тебе?

— Тебе, конечно, — развел тонкие ладони Стась. — Ну, и мне немного. Ты же для меня не чужой человек, так?

— Надеюсь, — бросил Руцкий.

— Вот...

Качнувшись, Стась чуть не достал головой абажур светильника, который завис над столиком.

Руцкий вздохнул, с силой пригладил свои черные, начинающие седеть и редеть волосы, после чего глухо проронил:

— На прошлой неделе на берегу Мухавца встретил я девушку. Данутой зовут. Красивая.

Софья Шах

ГДЕ И КОГДА?

Венок сонетов

КРИЗИС

1

В мир астральной сути перенесся,
да во внеземную благодать...
Ну а мне куда себя девать,
если так гнет пустоты разросся?
Мысли — в полном хаосе-разбросе,
дни — ни умолчать, ни рассказать,
ночи — безвоздушная кровать,
сумрак над которой тишью грозен.
В глухонемоте твой кабинет.
На стене на каждой — твой портрет, —
осязаемость изображений.
И они как будто знать хотят:
где ни глянь — пылливо смотрит взгляд...
Вот и я о том же в сокрушенье:
а когда ты явишься назад?

2

А когда ты явишься назад?
Ой, да что я, что я в самом деле?!
Будто и не знаю о душе и теле,
о назначенной всем плате плат...
Но глаза представить не хотят
и не могут, словно не созрели
для такой невероятной цели, —
ждут и в небо пристально глядят.
В рвано-кучевые облака,
что плывут, как будто бы века, —
давние, забытые, седые...
И плывут совсем не наугад:
знают чей-то над собой диктат,
но о их подспудной ностальгии
силы занебесные молчат.

Валентина Кадетова

ЗАПАХ АИРА

Повесть

ПРОЗА

Второй день подряд нивские женщины млели в щекотливо-сладком ожидании чрезвычайно интересного для деревни события. И было их ожидание таким напряженным и всеобъемлющим, что за все это время никто ни разу не вспомнил ни бедолагу Марьяну из очередной двести первой серии про богатых, что тоже плачут, ни чудачку Дуню Пузикову, которая, несмотря на увещевания и слезные просьбы родственников и сопротивление сельсоветского начальства, дала своей новорожденной дочери имя Марисабель.

— Да сколько же раз вам говорить: он это был, он! Лопни мои глаза, он! — от возмущения, что ей не верят, Лидка-кассирша, глотала слова и заикалась. — Вышел из поезда, ну, из этого, самого первого, что на рассвете, оглянулся вокруг, голову в плечи втянул и украдкой, словно вор, двинулся в деревню. Что меня в нем удивило? Туго набитый рюкзак за плечами и большущая сумка в руках, по-мужски неумело сшитая из старой мешковины. Вряд ли в гости выбрался с такой поклажей. Я кассу закрыла — а зачем сидеть, если следующий поезд только через два часа? — и остороженько (на мягких лапках, как говорит Мишка, мой младшенький) следом за Егором двинулась: очень уж мне интересно стало, как оно там у них будет. Но он почему-то не к своему дому направился, а во двор к Макару Махначу, своему старому приятелю. Слышно было, как он постучал в окно, как заскрипела дверь в сенях, как Макар проворчал что-то сонным голосом и тут же ахнул от удивления: «Ты?! Ну, заходи скорее, пока моя спит!»

Видно, у Махначей он и сейчас, потому что дома нет, я тихонько проверила.

Лидка-кассирша будто бы видела Егора Привалова в субботу утром. Но сегодня ведь воскресенье. И уже середина дня. К Махначам за это время соседями сколько уж раз хоженно-перехожено! И всякий раз, конечно же, по самым неотлож-

ным делам: то соли одолжить, то газету с телепрограммой посмотреть, то... Да разве мало их, дел неотложных и срочных? Но как только ни присматривались «ходоки», никто из них никакого следа присутствия Егора не заметил ни в доме Махначей, ни во дворе. «Скорее всего, эта слепуха Лидка в сумерках кого-то из мужчин с Егором перепутала. Зря только людей взбудоражила», — решили разочарованные и даже почему-то обиженные женщины и уже собрались было вернуться к своим обычным вечерним заботам, как из двора Махначей послышался крик жены Макара Зины:

— А ты мне рот не затыкай, а то вместе с ним на улицу вылетишь! Его встретили как человека, напоили, накормили, так он, видимо, решил, что у нас и обосноваться можно! Нужен он мне здесь как собаке пятая нога! Пусть в свой дом идет, кот блудливый!

Было слышно, как Макар пытался уговорить жену, «подождать хотя бы, пока стемнеет», но, как всегда несговорчивая и упрямая, Зина на уговоры не поддавалась, и «блудливый кот» Егор Привалов (это действительно был он!) под аккомпанемент Зининых не самых приятных для слуха слов, низко опустив голову и ни с кем из встречных не здороваясь, быстро зашагал в конец улицы, где стоял когда-то собственноручно построенный им дом с голубыми ставнями, украшенными резными наличниками, и палисадником под окнами, где буйно цвели розовые пионы.

С лиц женщин, наблюдавших эту картину, мгновенно слетела недавняя унылость, и живые огоньки любопытства вновь загорелись в их глазах: а ведь и правда, как оно ТАМ будет?

Этот роман (впрочем, в деревне любовные отношения между не совсем молодыми, к тому же семейными людьми испокон веков называли не романом, а распутством, мерзостью и другими, еще более неблагозвучными словами) начался очень давно: через пару-тройку лет после того, как Тимох Тарасенков привел себе в жены девушку из соседней деревни Ольховое.

Был в те времена у деревенских парней такой обычай: ходить «на чужие села». Собирались небольшими группами и направлялись в какую-нибудь из соседних деревень якобы на танцы. Иногда даже гармониста с собой брали. На самом же деле они шли посмотреть на «чужих» девушек, познакомиться с ними, а позже, может быть, кого-то из них и в жены взять.

Правда, и в своей деревне симпатичных девчат всегда было достаточно, но ведь кому неизвестны пословицы про то, что «у соседа всегда все лучше» и что даже «трава у него зеленее»? Вот то-то и оно!

Нивские парни ходили и в Грушевку, и в Васильевку, и в Круговец. Даже в украинские Кузничихи и Кусеи почти за восемь километров пойти не ленились. А вот в Ольховое, хотя эта деревня и была совсем рядом с Нивками, наведывались не так часто, как в другие. Не нравились нивским парням «эти рудые нечесанные ольховки».

То, что облик деревень разный и неповторимый, несомненно. Различаются деревни и характерами жителей, и, что особенно удивляет, даже некоторыми чертами внешности. Специалисты утверждают, будто бы причина тому — «энергетические воздействия, идущие из земли, и в каждом месте имеющие разную силу и содержание». Может, это и на самом деле так, иначе чем объяснить, например, то, что большинство жителей соседней Дубровки приземистые, коротконогие, смуглые и

черноглазые, что в Васильевке много рыжеволосых и синеглазых людей и что в Деревинах (из всех окрестных деревень исключительно только в Деревинах!), видимо, и до сих пор рождаются шестипалые дети. Раньше это было настоящей бедой для деревинцев: мало того, что кисти рук с шестью пальцами представляли собой довольно неэстетичное зрелище, так еще и обувать свои также шестипалые ноги бедняги могли только в какие-нибудь неуклюжие самодельные чуни. Это уже позже начали делать операции, избавлять от лишних пальцев.

Ольховские девушки и вправду красотой не отличались: желтовато-серые глаза, неопределенного цвета волосы и брови, длинные тонкие ноги да и рост слишком высокий по тогдашним меркам. Но вот у избранницы Тимоха Маши из не почитаемой нивскими парнями Ольховки глаза, обрамленные длинными пушистыми и такими же черными, как и брови, ресницами, были удивительного темно-синего, почти фиолетового цвета. Это мгновенно отметили деревенские кумушки, не преминув, однако, плюхнуть в бочку меда добрый половник дегтя: «Ну только что глаза да брови! А волосы все равно рудые, и сама долговязая, и ноги как у аиста. Ольховка и есть ольховка!»

Так ее и начали называть: Ольховка. В Нивках, как обычно и во всех деревнях, женщин зовут по именам мужей: Борисиха, Степаниха.

Маша должна была бы быть Тимошихой или носить один из нивских вариантов своего имени, из-за распространенности которого в деревне существовало таких вариантов целых десять. В зависимости от степени авторитета Мария могла быть Машей, Машкой, Машечкой, Машуней, Маней, Манькой, Марусей, Маруськой и — в самом худшем случае! — Марусендой. Но нет: Ольховка — и все тут! Раз и навсегда, как, например, с Максимом Минковым, которого — одного из всех нивских мужчин! — почему-то зовут по жене. Жена у него Нила, а Максим — Нилич. Ну пусть бы он был подкаблучником или каким-нибудь невзрачным недотепой, так нет же, как говорится, «и ростом, и станом». Да еще и руки золотые. Ну никакой логики!

Ольге Пилипихе, матери Тимоха, Маша вроде бы понравилась. Во всяком случае, на людях Пилипиха ее всегда нахваливала: «Славная у меня невестушка! И работница, и аккуратная, и уважительная: никогда слова поперек не скажет, ко всем моим советам прислушивается. И с первого же дня, как в дом вошла, мамой стала называть. А иногда и мамочкой зовет. И грамотная. Недаром же после того, как Мефодьевна на пенсию ушла, так не кого-нибудь, а Машу на ее место библиотекарем взяли. И лицом невестка моя неплохая. А что худенькая, так, как говорится, на живых костях мясо нарастет».

И правда, сразу после рождения первенца, Маша пополнела. А вскоре фигура ее вообще полностью стала соответствовать деревенскому идеалу женской красоты, чем Пилипиха была очень довольна: мол, за хорошим мужем расцвела женщина.

Сначала молодые жили в родительском доме, довольно просторном, с двумя комнатами, которые в Нивках называли «задняя хата» и «хата передняя». Комната, куда заходили из сеней, — задняя хата. Через нее шли в хату переднюю.

Значительную часть задней хаты занимала печь с чаренью и лежанкой. У порога за легкой ситцевой занавеской пряталась полка с кухонной утварью, под полкой же обязательный «судник» — ящик с такими запасами, как крупа, мука, сушеные грибы, «скрыльки» для взвара —

нарезанные тонкими ломтиками, высушенные на солнце яблоки с грушами — и пара поллитровых, плотно закупоренных бутылок с льняным маслом. Еще пара таких же бутылок стояла в погребе или в чулане за кубелом с солониной и кадушкой с фасолью — «базовыми» пищевыми продуктами сельчан. Тогда льняное масло почему-то надолго исчезло с прилавков магазинов, но у нивчан оно имелось всегда, и они при случае хвастались, что могли бы назапасить этого масла «два вазы и цэбар». К сожалению, льняное масло со временем темнеет, становится горьким и приобретает неприятный запах — короче говоря, становится непригодным к употреблению. Поэтому хозяева предпочитали хранить цельное льняное семя в погребе в надежной упаковке, а затем давили из него свежее масло.

Несведущий человек мог бы удивиться: откуда у этих людей столько льняного семени, что из него можно произвести «два вазы и цэбар» масла?

А дело было в том, что Нивский колхоз (при довольно скромных своих производственных достижениях он все же носил громкое имя Суворова) являлся льноводческим хозяйством. Вот почему единственной культурой, кроме картофеля и, конечно же, тогдашней «королевы полей», которая на небогатых нивских землях своим бедным видом напоминала скорее несчастную нищенку, чем королеву, был лен. В колхозе трудились две льноводческие бригады, в каждую из которых входило по два звена.

Неизвестно, чем можно объяснить то, что, несмотря на нелегкий в целом труд на льняном поле, он, в отличие от всех других колхозных работ, был наиболее приятным и радостным, а то время, когда с аккуратных кудрявых снопов обмолачивали золотистые семенные головки, почти праздничным. Семена ссыпали в телеги с «бестарками», и мальчишки-подростки на лошадях возили их на склад. «Государству» сдавали только льняную соломку, а семенами после определенной переработки кормили колхозных телят. Но если говорить правду, то половину всех семян в котомках да и в более вместительных емкостях колхозники переносили на собственные дворы, тем более что никто особенно и не запрещал этого делать. Вот из этого «позаимствованного» у колхоза семени и давили масло. Давили его два, говоря современным языком, предпринимателя: Иван Кулик, длинноносый и действительно похожий на кулика мужчина, и Артемка Концевой, деревенский почтальон, человек бережливый и хозяйственный. При деятельной помощи кузнеца Савастея они смастерили прессы, и с тех пор густое, янтарного цвета и чрезвычайно приятного запаха льняное масло заняло одно из почетных мест среди продуктов каждой семьи.

Льняным маслом заправляли винегрет, капусту, вареный картофель и для аромата добавляли в печенье. Им лечились, использовали в различных хозяйственных нуждах. Кто-то даже ухитрялся продавать часть запасов. Правда, по тогдашним ценам никто на этой продаже особенно не разбогател.

Извечная лавка под окнами напротив русской печи с чаренью и лежанкой — также обязательная деталь задней хаты. Между печью и стеной, разделявшей заднюю и переднюю половины, прочно — раз и навсегда! — заняла свое место широкая самодельная деревянная кровать с изголовьями, украшенными грубоватой резьбой и окрашенными темно-синей масляной краской. В углу стол, за которым обычно завтра-

кали, обедали и ужинали. Над ним иконы в окружении «набожников» — рушников, вышитых крестиком.

В передней хате угол с иконами выглядел намного богаче: его украшали не только ярко вышитые набожники, но и магазинные штапельные ширмы с изображениями луговых цветов и раскидистых берез, а иногда и целых сказочных сюжетов. Под иконами ютился «кутник» — треугольный столик, где в праздники зажигали свечи и обычно стояла банка со святой водой и лежала принесенная из церкви просфора или ее кусок. Слева от входа — небольшая грубка с чугунной плитой. Эта плита выполняла роль не только варочной панели: чугунная поверхность плиты медленно отдавала тепло и поэтому дополнительно обогревала помещение.

Одна из двух кроватей передней хаты, застланная самотканой постилкой, скромно пряталась за грубкой. Вплотную, спинка к спинке, — кровать «парадная», с никелированными шарами и пышным убранством постели: белым ситцевым покрывалом, вышитым разноцветной «запалачью» (так в Нивках называют мулине), множеством подушек в вышитых той же «запалачью» наволочках и накрытых кружевными накидками. В домах побогаче обе эти кровати прятались за ярким, цветастым пологом. У стены, что окнами на улицу, стол с приемником на массивных батареях. Телевизор, единственный на всю деревню, тогда был только у Бондарева Малаха, потому что электричество в Нивки провели всего лишь год назад и многие еще не успели приобрести эти довольно дорогие вещи. Так что пока «на телевизор» ходили к Бондаревым.

В шкафу с одной дверцей и ящиком внизу бережно хранилась одежда «в люди», новое постельное белье, рушники, скатерти, вышитые оконные занавески, а в ящике — документы. Словом, все как в те времена у всех. Хотя и не у всех. В деревне тогда еще встречались дома, где была одна «хата», в которой жили две, а то и три семьи.

Раньше, когда Тимох еще был холостяком, и мать, и сам Тимох спали в задней хате: Тимох — на лавке, а мать — на той самой деревянной кровати, которую когда-то смастерил отец Тимоха Пилип. Переднюю хату занимали сестры. До недавнего времени их было три. Потом Макрина, старшая из сестер, вышла замуж в соседнюю Грушевку, а Дуня и Настя все еще жили в ожидании своих суженых.

Сразу после своей свадьбы Тимох вынес лавку в сени, на ее место поставил кровать, что стояла в передней хате за грубкой, и переселил Дуню с Настей в заднюю хату. Сестрам, конечно, такое переселение не понравилось, и они всячески демонстрировали это: могли в то время, когда молодые ложились спать, зайти в переднюю хату под каким-нибудь, чаще всего надуманным предлогом, долго рыться в шкафу, а потом «забыть» как следует закрыть дверь. Не церемонилась и Машина свекровь. Правда, та, в отличие от своих дочерей, руководствовалась самыми добрыми намерениями: должен же кто-то напоминать молодым, как и где следует вести себя надлежащим образом и как беречь и почитать семейные и народные традиции.

В общем, как бы нынче сказали, у молодых не было никакой личной жизни. Все альковные утехы — украдкой и шепотом. Тимох, казалось, нисколько от этого не страдал. Он быстро делал свое дело и тут же засыпал.

Маша же вздрагивала от каждого шороха, от скрипа кровати, от учащенного дыхания Тимоха и никакой радости от его ласк (если можно было назвать ласками поспешное комкание ее уставшего от дневных забот тела) не испытывала.

Александр Павловский

ПЕЧАЛИ К ВЕСНЕ РАСТАЮТ

***

Ностальгия прошла...
Но оставила горькое чувство
Недосказанных слов,
Недопетых вчерашних стихов.
Видно, я постарел,
Безутешно скрываясь
в занудстве,
По прошествии лет
Потеряв и мечту, и любовь.
Жизнь — судья и палач,
А порой и скупой надзиратель.
Но я все-таки верю,
Что все возвратится опять!
Не тревожась о бедности
И о суровой расплате,
Побегу вслед за ветром
Я светлую радость искать.
И, конечно же, чуду
Нельзя не случиться!
Ведь оно, долгожданное,
Будет, как в море маяк,
Мне указывать путь,
Чтоб с него не сойти и не сбиться,
Оставаясь всегда
Ярким светом, пронзающим мрак!

***

Я все слова красивые забуду,
Тобой любясь, видя твой портрет.
Твоим я, может, никогда не буду.
Но ты собой затмила белый свет!

Валентина Быстримович

ЗВЕЗДНЫЙ ВЕТЕР

Рассказы

ПРОЗА

Счастье не придумаешь и не купишь

Набрякшие сыростью облака, противный мелкий дождь. Конец февраля. Не хочется выходить из теплого дома, но работа... Ноги вязнут в раскисшем, смешанном с солью снегу, сапоги промокли и покрылись белесыми соляными пятнами, мокрая шуба тянет плечи. Сбросить бы все это тяжелое и мокрое, надеть туфельки и посидеть в кафе за чашечкой кофе. Как бы ей этого теперь хотелось!

Последние дни она все время бегом: то в исполком, то к нотариусу, то другие согласования. Ее предупредили: клиент придирчивый, никогда не опаздывает и, если не выполнить его условия, выставит неустойку. Прибыть на пятнадцать минут раньше и встретить клиента!

Такая характеристика вызвала антипатию, однако работа есть работа, и она торопилась, увязая в липком снегу. Настроение отвратное, а нужно быть вежливой и доброжелательной.

Она-таки успела до назначенного времени. Клиента по имени Александр, которого никогда не видела, она должна встретить у лифта, отвести к нотариусу и оформить документы. Клиент опаздывал уже на три минуты, и она нервно прислушивалась к звукам в лифтовой шахте. Вот лифт пошел вверх — наверное, он.

Из лифта вышел высокий, красивый, с черными аккуратными усиками мужчина. Она бросилась к нему со словами:

— Здравствуйте. Вы Александр?

— Нет, — ответил мужчина. — Но очень хотел бы им быть.

Он заинтересованно и внимательно посмотрел ей в глаза, словно увидел в них что-то особенное. Его взгляд был нежным и ласковым, будто она сокровище, которое нужно беречь и с которого нельзя спускать глаз.

— Извините, — ответила она в замешательстве.

Мариэтта Репнина

МИМОЛЕТКИ

Я
В
И
З
В
Е
Ю
Т

Травинка в снегу

Лето — это и солнце, и дождь,
И ромашки на ближнем лугу.
Это счастье, которого ждешь,
Замечая травинку в снегу.

Капель

Февральским утром просыпаясь,
Я слышу звонкую капель.
Неужто снег спешит растаять?
Февраль, похожий на апрель...

Лед безразличия

Упал прохожий. Мыслим строго,
Стыдливо отводя глаза.
Он пьян... Он бомж... К чему тревога?
А тот и умер у порога...
Но так нельзя, нельзя. Нельзя!

Андрей Душечкин

ВСПЫШКИ ПАМЯТИ

Повесть-эссе

ПРОЗА

Все песни спеты,
Сказаны слова последней роли,
И от судьбы осталась лишь зола
Сгоревшей боли...

А. Душечкин

Мне не страшно. Подумаешь, колени дрожат, и это видно, подумаешь, челюсть онемела и открываться не хочет. Я справлюсь — я же Актер, и это моя первая Главная роль — Принц Ано фон Волькенштейн в театре им. Горького. Я же плакал, когда шел домой по проспекту, так я хотел играть в этом прекрасном спектакле, поставленном режиссером Карлом Гассауером в далеком 1981 году. И вот мой первый ввод в спектакль на заглавную роль — роль, которая принесет мне много творческой и человеческой радости... Так что я ничего не боюсь... Ой, что это? У меня в ушах звенит? Нет, это просто помощник режиссера дал первый звонок... впереди еще два... я справлюсь...

Бас-гитара звучала как и положено — она вдавливала тебя в землю, а барабанная дробь била в такт моему сердцу... Мне 14 лет, я — счастливый школьник советской эпохи — иду на прослушивание в школьный ансамбль. А очередь-то, о боже, кажется с проспекта... Вот тогда я заплакал от отчаяния и желания, может быть, впервые. Сколько их еще будет, этих творческих слез... К чему это я? А к тому, что с этого все и началось, ну и меня взяли...

Когда через 35 лет я нашел бас-гитариста нашей школьной рок-группы Михаила и сказал: «Привет старик!», — он ничуть не удивился и просто ответил так же: «Привет, я все эти годы ждал, что ты позвонишь...» А знаете почему, да потому что мы так и остались там, в той стране, в том времени и... в нашем ансамбле. Вот и судьба: и все первые ноты, и первые

тексты, которые я начал писать для наших песен, и первая юношеская любовь, и дружба, и драки, и сигареты по подъездам, чтобы никто не увидел, и пластинки, на которых, собственно, и выросло целое поколение советских людей... Не на идеалах КПСС, а именно на фирменном виниле, за который легко отдавали всю зарплату. А она в то время была не маленькая. Эх, как молоды мы были...

Судьба... сколько раз я наблюдал, как она возносит человека до небес, а потом швыряет оземь...

Это больно, страшно, горько, шаг за шагом человек идет к своей судьбе сам, а может, не сам, а его ведут, неумолимо и неизбежно, как к самому себе. Я родился в театре, но шагов до сцены было еще много. А пока...

1977 год, мне 17 лет, идет собеседование и предварительный просмотр в Театрально-художественный институт на актерский факультет. Собеседование проводит заслуженный артист БССР диктор Илья Львович Курган. Толпа жаждущих стать артистами в коридоре, тогда, если я не ошибаюсь, было 150 человек на место. Я выхожу и начинаю читать: «Игорь Кобзев, «Шпага Чести». А все-таки было бы хорошо, чтоб в людях жила отвага, чтоб каждый по городу гордо шел и сбоку болталась шпага!» Илья Львович, впоследствии очень много сделавший для моей работы на радио, останавливает меня и спрашивает:

— Как ваша фамилия?

— Душечкин.

— А к Климовой вы какое-то отношение имеете?

— Это моя мама.

— Приходите поступать, — говорит Илья Львович. И я поступил...

Институт, четыре волшебных года жизни, общения друзей, любви. Сигареты, вино, студенческие, знаменитые в то советское время, «картошки» по месяцу в деревнях, экзамены, репетиции допоздна, а иногда и до утра, однокурсники и, конечно, педагоги... Сколько они нам дали, сколько вложили терпения, души и сердца, мудрости и таланта. Валерий Николаевич Раевский — мастер курса. Никогда не забуду, как однажды я не сдержался и во время показа этюда при всех выругался матом, и в нависшей зловещей, пахнущей отчислением меня с курса тишине прозвучало его мудрое: «Вот вам всем пример истинно рожденного слова». Спасибо Вам за все, мудрый Вы наш Мастер. Андрей Валентинович Душечкин-Корсаковский, куратор курса, отцу досталось переживаний за меня, хотя учился я хорошо. Навсегда запомню его напутствие: «Все понял — да, все знаешь — да, все умеешь — да, а теперь все забудь и иди играй». Спасибо, отец, за все... Илья Львович Курган, человек, подаривший мне вторую профессию «диктор на радио» и открывший дверь в удивительный мир радиомикрофона, спасибо за все... Людмила Семашко — пластика, Тамара Узунова — балетный станок, любившая повторять: «Ям-пампа, ям-пампа... Где ваши руки? Вы же не птицы, сложившие крылья!»... Спасибо, спасибо всем и за все.

Дипломные спектакли на выпуске 1981 года были следующие: «Зыковы» М. Горького, «Чудесный сплав» В. Киршона, «Колыбель четырех волшебниц» Я. Купалы и мой любимый «Фантазии Фарятьева» Л. Соколовой. Я играл во всех и все главные роли, но Фарятьева, которого играл с выпуском кукольного факультета, помню и люблю больше всего.

Выпускной и вручение дипломов я не забуду никогда. Ведь председателем государственной экзаменационной комиссии у нас был сам

Андрей Макаенок, в моем дипломе его подпись. Ну а его слова при вручении: «Таких студентов, как Душечкин, надо беречь», — я не забуду никогда, простите меня за нескромность, но было же... Итак, распределение. О, это загадка судьбы: кого, и куда, и на сколько. Почти весь мой курс уехал в Витебск в славный театр имени Якуба Коласа, многие служат там и сейчас, кто-то — в Гродненский драматический театр. Ну а я уже снимался в кино и хотел идти в штат актеров «Беларусьфильма», но мама сказала: «Не дури». И, несмотря на то, что меня так же звали в ТЮЗ, Витебский театр и в Купаловский, я пошел туда, где с 1960 года за кулисами стояла моя коляска. Говорят, меня носил на руках сам Кистов, ну а Ростислав Янковский любил приобнять меня в коридоре лет эдак с пяти и озадачить вопросом: «Ну как тебе мой Левинсон?» По понятным причинам я не знал что ответить... Меня любили все, но я боялся театра и не любил туда ходить. И вот общее собрание, и я — актер труппы. И началась яркая, как колесо обозрения, жизнь: вся в огнях, то вверх, то вниз. И тут уж ничего не поделаешь, это — Театр.

Три года я являлся председателем государственной экзаменационной комиссии Университета культуры и искусств, и за это время у меня в глазах стоял Андрей Макаенок, вручающий нам дипломы. Я брал с него пример, а точнее, пытался брать. Мое преподавание продлилось довольно долго, сначала на кафедре театрального творчества, а позже — на кафедре режиссуры обрядов и праздников. Много интересного я вынес для себя за почти десять лет педагогики. И психологом стал, и отцом, и матерью, и наставником, и дураком. Сложное это дело, а точнее, очень сложное. И сам методики придумывал и по Великим (Станиславский, Чехов, Гратовский) шел, но ближе всех оказался Антонен Арто, знаменитый французский исследователь театра и литературы. Он соединил в себе гениев всех времен, и за основу я брал его методики интуитивного осознания творчества. В конце концов, ведь Михаил Чехов сказал точнее всех: «Делайте что хотите — все равно никто не знает, как надо». Истинно так.

Память... Она будет ранить... да, как строчка стихотворения. Вспышки памяти освещают всю жизнь, все, что было, и всех, кто был. Опять вернуться в детство... Двор, ребята: Олег и Игорь, Мишка и Серега. Учителя в школе, такие родные навсегда: Людмила Борисовна Горбачева — наша классная, Надежда Павловна Гаврусейко — химия, другие. «Быстренько беги отсюда, я сама все скажу и контрольную передам», — так учительница по химии помогла мне сдать экзамен. Зато стихи читал лучше всех в классе, ну и на гитаре играл неплохо, оно-то и пригодилось.

Наш дом был сдан в 1968 году от Совета Министров известным деятелям науки и культуры. Вот мы и заселились: пятый подъезд — Климовы, Вуячичи, Лученок, второй — Евдокимов, семья академика Борисевича — третий подъезд, семья героя СССР летчика Л. Беды — первый подъезд. Росли весело, никто не трогал. А рядом — правительственный дом Петра Машерова, мы дружили семьями. И школа, родная и любимая навсегда, 4-я средняя школа г. Минска. Я и сейчас живу рядом с ней, так рядом со школой и прошла вся жизнь, ну или почти вся.

Я рос во дворе, как и все советские дети, тогда же не было интернета, общались в реальном мире и учились его понимать, не бояться и осознавать. Завод имени Кирова и его знаменитая улица Красноармейская и стали моими университетами по науке выживать, и познал я ее сполна по полной программе уличных законов чести и правил. Не все ее про-

ходили. Мне хватило, причем на всю жизнь. И сейчас, гуляя по этому району, все в моих глазах, как будто было вчера.

Святая святых — доска расписаний в театре. О, это волшебное место, там решаются судьбы и вершатся великие дела, там распределяют роли и вывешивают приказы, пишут объявления и отправляют на гастроли и в отпуск, увольняют и берут на работу, поздравляют с днем рождения и вывешивают некрологи. Я не согласен, что театр начинается с вешалки, я думаю, что театр начинается с доски расписаний, с нее начинается — ей же и заканчивается.

Прошрое, оно всегда с нами, как тень, как зеркало, как собственное отражение... Память уносит туда, где было хорошо, и к тем, кто был дорог. И тогда хочется вызвать старое желтое такси с кубиками на дверце и прокуренным салоном по старому домашнему телефону и уехать туда, где осталось твое сердце...

Все, я спокоен, колени не дрожат и челюсть тоже. Я в порядке: вижу, слышу, чувствую. Я даже могу ответить дружески хлопнувшему меня по плечу народному артисту БССР Юрию Федоровичу Ступакову. Опять звонок, и я опять вздрагиваю, помощник режиссера объявляет по трансляции: «Внимание актерам, второй звонок, до начала спектакля осталось пять минут».

Год 1981. Минск, театр имени М. Горького... Знаменитая доска расписаний, к которой я подхожу так, как будто там список приговоренных к расстрелу. Но нет, о чудо, я буду жить: в спектакле «Егор Булычев и другие» в постановке Бориса Глаголина (он же директор Московского театра на Таганке под руководством Юрия Любимова) я назначен на роль Степана Тятинина, и репетиции начинаются уже завтра. Первая читка — это разведка боем, каждый присматривается к партнеру: кто что может, как пойдет, легко или трудно. Кто что хотел играть и кто вообще хочет работать, видно именно из первой читки. Все нездорово возбуждены, пытаются искренне поздравлять друг друга, некоторые даже целуются — вот уж совсем смешно. Я так и не научился, ну приобнять — так еще куда ни шло, а чтобы так, да мужика... Это уж извините. Но я не о театральной любви, а о первой читке. Дирекция торжественно вручает режиссеру цветы, кто-то шутит: «А может за шампанским?» — все радостно смеются, и на этом радости заканчиваются. Начинаются слезы, истерики, муки творчества, нервные срывы, скандалы, иногда драки и конфликты на уровне: «Да разве он артист? Вот я знаю, как надо играть!» — и так далее. А потом прогоны, первые удачи, озарения, любовь к партнерам по роли, попытка заглянуть режиссеру в глаза и, наконец, день премьеры. О, этот великий и ужасный день, когда есть не можешь, спать не можешь, жить не хочешь, от нервов звенит в ушах, во рту — пустыня Сахара, и только сердечный пульс в сто двадцать ударов в минуту доказывает, что ты еще жив.

На гастролях с этим спектаклем в Ленинграде я получил всесоюзную прессу, где отмечалась удача молодого актера. Вот так, на весь СССР! А ведь в спектакле главные роли играли Ростислав Янковский, Юрий Сидоров, Александра Климова, Валерий Бондаренко и, как и сказано в заглавии пьесы Горького, другие... Окрылило, по-другому и не скажешь.

Театр, никто так и не понял его удивительный и такой переменчивый мир. Казалось бы, это мир, где сбываются мечты, где можно стать счастливым, куда все стремятся попасть. Но ведь именно там бьют прямо по рукам, если ты решишь о чем-либо попросить, смеются над твоими

желаниями и любят тебя только тогда, когда тебе плохо. Это мир, где нужно быть сильным.

Первый год моей работы показал, что, оказывается, я уже не тот мальчик, которого все любили и гладили по головке, я — молодой актер Андрей Душечкин, а значит, должен доказать, что имею право на свое место под солнцем. Я ощутил эту разницу в отношении сразу же, например, когда со мной не здоровались. Идешь себе по коридору, говоришь всем «здравствуйте», а тебе не отвечают, потому что тебя просто нет, ты никто и звать тебя никак. Вот докажи, что ты актер, а не клоп на подушке, тогда и поздороваемся. Что ж, подумал я, придется доказать. Я играл по сорок спектаклей в месяц, все главные роли, не знал усталости, в прямом смысле слова жил в театре в своей пожизненно родной гримерной № 116. Понемногу стали здороваться. А потом пришел 1983 год, и началось...

Валерий Маслюк, назначенный главным режиссером театра им. Горького, начал красиво — «Гамлет», У. Шекспира. С ним связана огромная девятилетняя история творчества и театра, и моя лично. Почему лично? Потому что мы стали и творческими единомышленниками и просто друзьями. А начиналось все примерно таким диалогом:

— О, вы знаете Андрей, что ваше самомнение вас погубит?

— Так что, мне пойти повеситься?

— Ну, зачем же...

На сборе труппы, когда Валерия Маслюка представляли коллективу, кто-то не выдержал и задал вопрос: «Так кто же Гамлет?» — и Маслюк ответил очень просто: «Вот он сидит — Саша Франскевич». «Почему не я...» — пронеслось в голове у каждого, и начались репетиции «Гамлета». Валера Маслюк — отдельная история как для театра, так и для каждого, кто работал с ним в тот период с 1983 по 1991 год. Высокий, худой, в неизменных черных очках, с сигаретой, закрытый, жесткий и безгранично ранимый и одинокий в душе человек. Он верил в театр, как в дом, где все должны стать родными и служить только искусству. Он не терпел компромиссов и лжи, он писал стихи, пьесы, неплохо рисовал и считал, что добро должно быть с кулаками.

Роли в «Гамлете» были распределены так: Гамлет — Александр Франскевич, Гертруда — Александра Климова, Клавдий — Валерий Бондаренко, Горацио — Андрей Душечкин, Полоний — Юрий Сидоров, Офелия — Татьяна Бовкалова.

Как рождается роль, что для актера процесс ее создания? Никто толком и не понял. Какой-то интуитивный процесс на уровне подсознания, эмоциональной памяти, логической цепочки событийного ряда, и у каждого по-своему, но всегда через сердце актера, его нервные клетки, его физические и психические затраты. На премьере спектакля Александр Франскевич лежал за кулисами, схватившись за голову руками от приступа боли, и кричал, что он не может играть, но играть надо всегда. И вот: «В этом черепе был когда-то язык, и его обладатель умел петь, что скажешь друг Горацио?» Спектакль Маслюка начинался именно с этой сцены.

Моему театральному поколению повезло. Те годы были годами настоящего театрального подъема, поисков, настоящей театральной революции по всей стране, всему необъятному СССР. Именно тогда подняли свои буйные головы такие гиганты театрального искусства, как Эфрос и Любимов, Анатолий Васильев и Олег Ефремов. У нас в

Беларуси это было время Валерия Раевского и Бориса Луценко. И вот начинали заявлять о себе и мы. Вот этим ветром и занесло в наш театр на постановку «Привидения» Ибсена режиссера из Ленинграда Либуркина, который назначил меня на главную роль Освальда в третий состав вместе с Александром Ткаченком и Владимиром Шелестовым. Мне был 21 год. И это был первый раз, когда я начал репетировать с мамой, народной артисткой СССР Александрой Ивановной Климовой.

Свобода, как часто мы произносим это слово по любому поводу, а что это такое, толком-то и не знаем. Свобода от чего или кого, или вопреки, или назло, или для счастья... Я знаю одно: свобода — это неотъемлемый постулат творческого процесса, без свободы просто нет и не может быть искусства как такового. Когда актер, актриса готовят роль, они должны быть свободны. Художник рисует картину — он должен быть свободен и т. д. Внутренняя природа творца должна быть полностью и от всего свободна. Только тогда Художник сможет истинно почувствовать, а значит, создать свое произведение. И кому дана эта свобода в высшей степени — тот и гений, и так по нисходящей. Александра Климова обладала высшей степенью свободы. Для нее, когда она репетировала, не существовало ровно ничего и никого, только она и роль. Мать в «Привидениях» Ибсена она так и играла, как Мать, которая теряет сына. Ибсен поднял самую тяжелую в нравственном плане проблему общества — ответственность родителей за своих детей. «Грехи отцов падают на детей», — произносит Освальд, прежде чем сойти с ума. Климовой было легче, она и была матерью, труднее было мне... Я не мог знать в 21 год природу потери сознания и отклонений в психике, но мне понравился сам момент пограничного состояния нервной системы человека: еще шаг — и ты за гранью добра и зла. Идя этим путем, я пришел к тому, что был готов играть раньше моих маститых коллег, но, увы, о эти театральные законы закулисья... Режиссер Либуркин вызвал меня в кабинет и, нервно куря одну за другой сигареты «Герцеговина Флор», тогда такие были, изрек дрожащим голосом: «Голубчик, вы правда очень талантливы, но играть вы не будете, вы же понимаете почему...» Я понял.

Свобода — центр Вселенной, а еще есть свобода выбора человеком своего пути. Вот это я и говорил своим студентам на уроках по мастерству актера в Белорусском государственном университете культуры и искусств. Я преподавал там около десяти лет и являлся председателем государственной экзаменационной комиссии, а также в этой должности успел поработать и в БГАИ. Я видел все от начала и до конца, все выпуски. Сам растил, сам же и дипломы выдавал и на всех занятиях говорил только одно: «Будьте самими собой, верьте в свое «я», данное природой, будьте свободны в праве на свое «я» и никого не слушайте, истинная свобода — это прямой путь к таланту и успеху!»

Идет застольный период репетиций «Гамлета», разбираем сцену, когда Полоний передает Гамлету приказ отплыть в Данию, где Гамлета по приказу Клавдия должны убить. «И как нужно сыграть эпизод, чтобы зрители поняли, что Гамлету грозит смерть?» — спрашивает Маслюк у сидящих за столом Саши Франскевича, Юрия Сидорова и других. Пауза... «А очень просто, — продолжает Маслюк, — с ним надо попрощаться». Сценографией спектакля занимался художник Юрий Тур. На сцене по его замыслу лежали отдельные части тела человека (рука, нога, голова), и животных (например, лошадиная голова). Создавалось ощущение распада общества страны и человека как личности. Я любил сцену объ-

яснения Гамлета и Гертруды — матери с сыном. Они здорово ее играли, до глубины души проникая прямо в зрителя. «Ты повернул глаза зрачками в душу, а там повсюду пятна черноты, и их ничем не смыть!» — всей силой своего сердца произносила Александра Климова, соединяя в этом образе и любящую мать, и падшую королеву. Александр Франкевич глубоко, драматично играл чувства сына, который борется за совесть матери, возвращая ей ее человеческое. Я любил своего персонажа Горацио, друга Гамлета, отстраненного от мира философа, единственного из всех, кто сохранил рассудок. Но так до конца его и не понял. Мне кажется, что это один из самых загадочных персонажей в мировой драматургии.

В каждом человеке заложена тайна, это тайна его судьбы, некий шифр или код, который известен только Богу. И именно эта тайна, которая в нужный час станет явью, и определит всю жизнь и личность человека. Не мог знать Ван Гог, что он гений, пока не начал рисовать, пусть в сорок лет, неправильно и неграмотно с точки зрения всех техник живописи. У него была только одна школа — Природа, давшая ему степень Гениальности. И все примеры в искусстве примерно таковы: Джек Лондон, нищий моряк, не мог предвидеть, что станет классиком и писателем с мировым именем, и литературный институт не заканчивал. Робертино Лоретти был рожден гениальным ребенком и уроки вокала не брал. Самое интересное — это понять, когда это происходит. Что заставило однажды Есенина написать свою первую строку? Почему Джон Леннон взял в руки гитару? Что ими двигало, какая сила неумолимо вела их к самим себе, а значит, своей судьбе? В таких случаях и говорят: «А Бог его ведает...» — точнее не скажешь.

Острошицкое озеро, нежность к нему живет прямо в сердце. Вот так глаза закрою, а оно в них как волшебная чаша, насквозь пронизанная солнцем. Я ведь рос возле него. Каждое лето мы с мамой Александрой Ивановной и отцом Андреем Валентиновичем ездили туда, в знаменитый Дом отдыха «Театральный». Деревянные домики, лес, спортивная площадка и клуб, он же кинотеатр, он же библиотека, а рядом — пристань и лодки для переправы, и камыши, и рыбалка, и костры по ночам, и кино вечером. Память навсегда вписала дорогие сердцу картины прошлого. Вот бежит Юрий Ступаков с огромной щукой, которую поймал на удочку прямо с причала, а вот обедают прямо на полянке Юрий Сидоров, мой отец, Валентина Кравченко — прекрасная актриса, заслуженная артистка БССР, со своим мужем Петром Харьковым — все молодые, счастливые, немного под хмельком. Так ведь отпуск, до начала сезона еще месяц.

Долгие годы и даже десятилетия сбор труппы в театре им. Горького назначался первого октября — в день рождения народной артистки СССР Александры Ивановны Климовой. И мама шла в театр в этот день, как на праздник. Ее поздравляли, дарили цветы, говорили хорошие слова и, действительно, сезон складывался всегда удачно, интересно и творчески захватывающе. Но предшествовали этому радостному событию всегда и неизменно гастроли, и о них этот неброский абзац.

Самолет, или поезд, или автобус, иногда все вместе, с пересадками. Родные и близкие плачут на вокзале — ведь театр уезжает надолго. Во времена СССР мы уезжали, без заезда домой, на два полных месяца летом и еще две недели осенью. Это, как правило, была Прибалтика: Рига, Вильнюс, Таллин, а летом — во все просторы необъятной страны. Гостиницы, рестораны, суточные, голод уже через неделю, но зато сколь-

ко эмоций: ведь битковые аншлаги, всесоюзная пресса. Знакомства, чувства, любовь. Любовь всегда-навсегда, но, как правило, до переезда в следующий город, потом письма, звонки и все. Правда с девушкой Ириной, которая провожала меня из Архангельска в далеком 1984 году, мы виртуально общаемся до сих пор, а письма она писала мне семь лет, пока не вышла замуж, не дождалась... Но я отвлекся. Это необходимо театру — гастролировать, ведь новый зритель рождает новые эмоции, театр проверяет рисунок своих спектаклей, как их воспримут самые разные люди, театры, сцены. Эмоции бьют через край, аплодисменты, шампанское, прием у мэра, танцы по вечерам, утром — репетиции, поиск тех, кто куда-то пропал после вечеринки. Наконец, все в сборе и начинается очередной спектакль. В середине месяца всегда приезжал бухгалтер из Минска и привозил деньги в долг от отпускных, так что в отпуске одалживали друг другу бутерброды (шутка, но примерно так и было). Куйбышев, идет «Гамлет», мы с Александром Франскевичем на авансцене. Горацио, глядя на монолог Гамлета с черепом Йорика, рыдает просто в голос — это я в тот вечер поругался со своей гастрольной пассией. «Смотри, как актер тратится, вот молодец», — слышу я, как одна из зрительниц шепчет это на ухо своей подруге. Вот так и рождаются образы. Отъезд домой, опять слезы, ведь гастрольный период создал много гастрольных семей, и они тоже плачут, ибо понимают, что в Минске придется возвращаться домой. На посошок и в путь... Минск, слезы радости воссоединенных семей, сумрачные лица оставленных гастрольных.

При том истощении нервной системы, до которого мы дошли, нам нужен, прежде всего, театр, способный встряхнуть нас отосна, разбудить чувства и сердце.

Антонен Арто «Театр и его Двойник»

Пауза — магическое для театра слово. Оно может означать все что угодно: паузу в ролях для артиста, паузу в гастрольных поездках, паузу в выпуске спектаклей, паузу в творческом росте и т. д. Но главная пауза, она — на сцене и считается верхом мастерства и актера, и режиссера. Актера, потому что только талантливый может ее держать, а режиссера — за то, что выстроил ее актеру. В спектакле «Калигула» в театре им. Горького в постановке режиссера Витаса Григалюнаса, где я играл поэта и друга Калигулы Сципиона, у меня была такая пауза. Я молчал, находясь на сцене 20 — минут, незабываемое ощущение... Тему глобального одиночества в образе Калигулы Альбер Камю поднял гениально. А еще отрешенность и ненависть к окружающему миру, который тебя не понимает. Спектакль так и не нашел своего дыхания и, как ни старались Александр Жданович, Анна Маланкина, Олег Корчиков и другие, быстро ушел из репертуара. Но еще одну забавную паузу удерживает моя память. Студенческая картошка, после честного труда в полях страны наш курс ужинает, сидя за столом с нашим педагогом по сценической речи Аллой Шагидевич. Естественно, мы пили водку и ухитрились разливать ее под столом в чашки с горячим чаем. И вот однажды пустая бутылка опрокинулась и в полной тишине подкатилась прямо к ногам Аллы Александровны... Пауза...

ВРЕМЯ. ЖИЗНЬ. ЛИТЕРАТУРА

ДОРОГА АЛЕСЯ БАДАКА

АЛЕСЬ
КАРЛЮКЕВИЧ

К 60-летию писателя

Для меня Алесь Бадак — из когорты современников, чьи поэтические и прозаические произведения я часто перечитываю. Нахожу для этого минуты и часы, когда жизненная суэта чуточку поступается своими границами. Перечитываю с таким же вниманием, как многие из его стихотворений, а позже и рассказов, читал впервые на страницах «Літаратуры і мастацтва», «Полымя», «Маладосці», а что-то и в «Чырвонай змене», «Звяздзе»... Случается, что перечитываю ранним утром после плохих или просто непонятных снов, вечером, вернувшись из деревни в город.

Сярод ночы прыснілася мне
Тое ўсё, у чым днём спавядаўся.
І нібы да сябе я вяртаўся
Ад сябе. І наведаў у сне

Родны кут, дзе палын ды асот,
Але й гэтым да болю жывое,
Але й гэтым да слёз дарагое
І мілей за сталічны камфорт.

Я не бачыў яго ўжо даўно,
Бо купіўся на тое, што блізка
Не ад сэрца, мой Божа, — ад Мінска! —
Быццам сэрцу было ўсё адно.

(«Камяні»)

Следя за творчеством Алеся Бадака с первой его поэтической книги «Будзень», даже сразу как-то не осознал, что в его лирике, которая от книги к книге вырастает в лирическое осмысление обще-

думает, в системе координат которого и расставляет свои стихотворения. Есть у Алеся Бадака такая книга — «Развітанне з вечнасцю» (с подзаголовком: «Кніга лірыкі з каментарыямі»). В первой ее части — «Лірыка» — три раздела, представляющие поэтические произведения: «Мяне трава вучыла гаварыць», «Стаць лістападам (Гісторыя аднаго кахання)», «Край свету». Во второй — «Каментарыі» — три раздела, повторяющие названия разделов в первой части: к каждому произведению поэт дает пояснения. О том, что стало причиной рождения произведений, что им руководило в тот момент, когда обдумывались и писались строки... «Развітанне з вечнасцю» — вовсе не прощание, не стремление остановить творческий поиск, скорее, дополнение к осмыслению истин, великой силы желание Поэта не расставаться с родной травой, ласкающей босые ноги деревенского мальчишки, желание соединить опыт разных поколений в одно целое, которое будет служить будущему... «Камяні» — одно из моих любимых стихотворений Алеся Бадака.

— ...Што ж, пара ўжо збіраць камяні, —
Ці то ёй, ці сваім успамінам
Я сказаў, перад тым як пакінуць
Гэты храм без ніводнай сцяны,

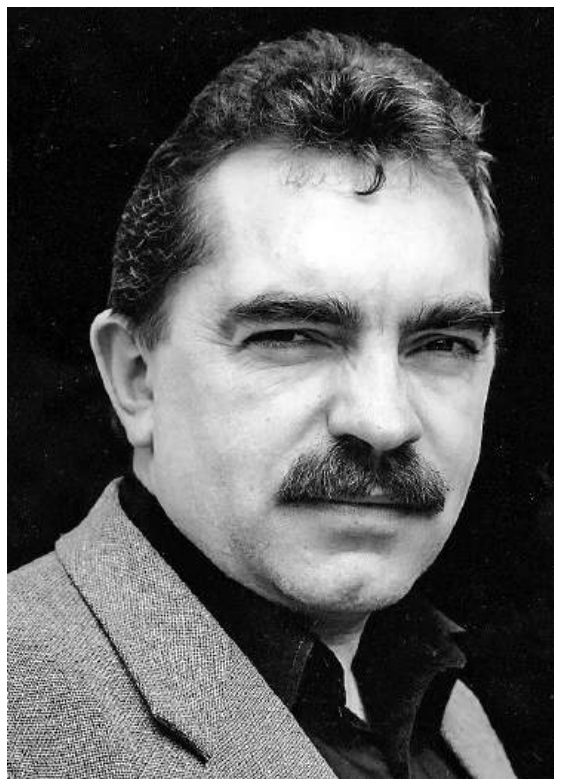
І пачуў:

— А што толку збіраць,
Калі носіце іх вы на сэрцы,
Як свой боль, што віною завецца,
Як свой сум, што шкада праганяць...

(«Камяні»)

Моя увлеченность поэзией Алеся Бадака распространяется и на осмысление его прозаических произведений, в которых он ярче проявляется как лирик, интонационно чувствующий человека и его жизненные тревоги, чем как суровый и правдивый бытописатель. Но вместе с тем проза Алеся Бадака, его повести и рассказы, — часть того, что может служить отражением действительности. Его рассказы нельзя не перечитывать, так же как прозу Михася Стрельцова и Алеся Жука, Константина Паустовского и Юрия Казакова, Юрия Трифонова, Янки Брыля, Вячеслава Адамчика, Анатоля Кудравца...

В качестве послесловия к моему краткому размышлению о нашем современнике, честно служащем художественному слову писателя, важно отметить, что Алесь Бадак и талантливый, творческий организатор книгоиздательского процесса. Свидетельство тому — сотни книг, выпущенных в свет за последнее десятилетие издательством «Мастацкая літаратура».

КУЛЬТУРНЫЙ МИР

ПОЭЗИЯ ГЛАЗАМИ ФОТОМАСТЕРА

**МАРИЯ
ЛИПЕНЬ**

«Фотография — это не просто возможность запечатлеть реальность. Это целая философия, особый язык, на котором мы выражаем свое мироощущение. Там сопряжено много переживаний, эмоций, чувств. Для меня, как для фотографа, это сродни поэзии».

Владислав Цыдик

Вспомним, как начиналась история фотографии. Кстати, по временным меркам это произошло совсем недавно. Где-то в 1826 году французский изобретатель Жозеф Ньепс сделал первый снимок, который дошел до нас, — «Вид из окна в Ле Гра». И потому теперь можно лицезреть часть зданий и окружающую сельскую местность его поместья Ле Гра, какими они представляли на тот момент из высокого окна.

Таким образом, случилось невероятное чудо — возможность остановить время, задержать мгновение, взглянуться в него, рассмотреть детали.

А позднее, в 1839 году, другой известный француз Луи Дагер сделал фотографию более доступной. И мир уже не мог быть прежним.

С тех пор фотография прошла невероятный путь развития. От первых, почти мистических,

изображений до современных цифровых камер и смартфонов, которые практически у каждого всегда под рукой.

Сейчас ежемесячно в мире делается в среднем 162 миллиарда фотографий. Что составляет 5,3 миллиарда фотографий в день! Как осуществить подобный подсчет — дело непростое. Но статистика, говорят, все знает, а потому и в этом вопросе ей, видимо, стоит доверять.

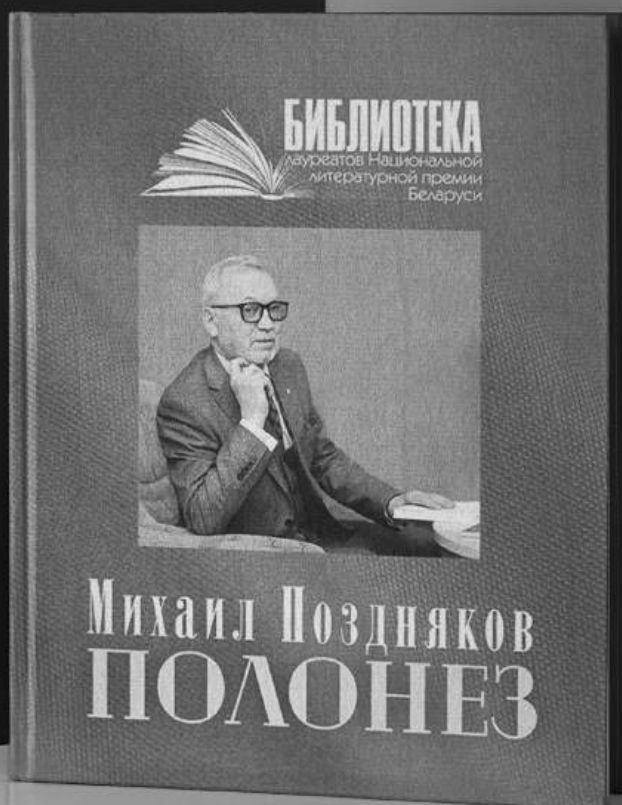
Фотография стала незаменимой в науке, помогая изучать мир от мельчайших частиц до далеких галактик. В медицине она помогает получить ценную информацию о человеке.

А кто не любит листать старые альбомы?! С ностальгией... С воспоминаниями.... Много может уйти безвозвратно, а фотография остается живым свидетельством того, что было и что можно, глядя на нее, пережить заново...

НАПОСЛЕДОК
КНИГОСФЕРА

ВАЛЕНТИН БАЮКАНСКИЙ

О книге поэзии
Михаила Позднякова
«Полонез»

«Я — СЧАСТЛИВ... ТОЛЬКО И ВСЕГО...»

В начале 2025 года минское издательство «Четыре четверти» выпустило в серии «Библиотека лауреатов Национальной литературной премии Беларуси» книгу Михаила Позднякова «Полонез». Любителей поэзии она привлекла и статусом книжной серии, и именем известного белорусского поэта. Поскольку я знаком с творчеством Позднякова и лично с ним самим, мне интересна каждая его книга. И я с удовольствием прочитал его новый сборник.

Плохо, когда в поэзии используются штампы и искусственная цветастость повествования. У Позднякова таких огрехов нет. Все — в меру, все — по существу. В его стихах нет поэтического бахвальства и мудрствования, есть четкость изложения. Его мысли и чувства легко

воспринимаются, трогают читателя. Приблизительно так я оценивал творчество Михаила Павловича до прочтения «Полонеза». Хотя прослеживалась еще одна характерная черта его поэзии, проходящая красной нитью через все его произведения, — всепоглощающая любовь к отчему краю. Этой любовью наполнена и проза

писателя. Вспоминая свое Забродье, где он родился и вырос, Поздняков пишет в рассказе «Родной деревне поклонюсь»: «О ней — мои самые яркие и чувственные воспоминания. Сюда, где бы я ни был, тянет меня дорога. Здесь и сегодня — неиссякаемый родник сил, энергии, вдохновения, света, доброты, искренности, красоты, без которых невозможно жить по-настоящему».

Прочитав «Полонез», я с уверенностью констатирую: Поздняков действительно по-настоящему не может жить без того, что ему дорого с детства.

Ночами мне чудятся
мамины руки,
 Что дарят такое родное тепло...
 Нет боли больнее
щемящей разлуки —
 Со всем, что сквозь сердце
твое проросло.

Уже давно нет родителей поэта, многих друзей детства, родной деревни, страны, в которой прошла его юность. Жизнь стремительно меняется, не давая передышки, сегодня за всем и везде нужно поспеть. Но такая суета, беспамятство к прошлому ранят сердце Михаила Павловича. Он то и дело стремится вернуться туда, где было светло, беззаботно и радостно. Старается хоть на мгновение мысленно попасть в детство, очутиться среди близких ему людей. Хотя понимает, что это невозможно.

По деревне опустелой,
 Где три хаты на версту,
 Редким путником несмелым,
 Спотыкаясь, но иду.

Тьма колючая такая!
 И деревня, ей под стать,
 Все меня не замечает
 Иль не хочет замечать...

Обогнув родную хату,
 Погляжу за окоем
 И заплачу виновато,
 Затоскую о былом...

И это пишет человек, известный не только в родной Беларуси, но и за ее пределами. Человек, имеющий награды и регалии... Он, не стесняясь, винится перед опустевшей деревней, которую не разрушал, которую боготворит в своих мечтах и сновидениях до сих пор.

Я без Забродья — не сумею,
 Мы живы, если мы — вдвоем...

Что может он сделать? Даже Поэт с большой буквы порой бессилен перед всемогущим временем...

Мчат года... Печальней взгляд,
 Холодной прохлада.
 И никто не виноват,
 Что не все, как надо...

Но Поздняков все равно кается, и рвущее душу покаяние придает ему силы, он жаждет воплощения новых творческих планов. Творчество исцеляет, помогает понять и принять простые земные истины.

И недругам не пожелаю
 Ни горя, ни беды, ни слез.
 Пусть дружба ширится —
святая,
 Как шелест утренних берез.

Все так... Я не могу иначе,
 Иначе — жизнь не благодать.
 И чем я делаюсь богаче,
 Тем больше хочется отдать!

Улыбку попрошу в награду,
 Надежду... больше ничего.
 Иной мне истины не надо,
 Я — счастлив... только и всего...

НАПОСЛЕДОК
КНИГОСФЕРА

ВАЛЕРИЙ ГРИШКОВЕЦ

Рецензия на книгу
Феликса Чечика
«Сочинения»

ЕЩЕ ОДНА ВЫСОТА ПОЭТА

В московском издательстве «Синяя гора» вышла книга избранных стихотворений Феликса Чечика «Сочинения».

Уже само название намекает на особый статус книги, на ее серьезность и даже солидность. Это вторая книга избранного поэта, уроженца Пинска, ныне живущего в Израиле. Правда, первая была несколько скромнее, что ли, даже по объему. В «Сочинениях» представлено 464 стихотворения из более чем десятка книг Феликса Чечика, которые на протяжении двадцати пяти лет выходили в издательствах России,

Израиля и других стран. А вообще, стихи поэта широко печатаются во многих журналах, как в России, так и за рубежом: «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Арион», «Урал», «Волга», «Крещатик»... Творчество Чечика известно и белорусскому читателю. Его стихи публиковались в «Нёмане», других изданиях республики. Представлен автор и в антологии русской поэзии Беларуси — двухтомнике «Поэзия русского слова», что вышел несколько лет назад в Минске.

АВТОРЫ НОМЕРА

Поздняков Михаил Павлович

Родился в 1951 году в деревне Забродье Быховского района Могилевской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик, прозаик, публицист. Автор более ста книг для детей и взрослых. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и других литературных премий и конкурсов. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Председатель Минского городского отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Живет в Минске.

Резанович Анатолий Иванович

Родился в 1958 году в деревне Рубель Столинского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета, Академию управления при Президенте Республики Беларусь. Прозаик, публицист. Автор многих художественных и публицистических книг на русском и белорусском языках. Популярность у читателей получили романы и повести «Отшельник», «Полынь-вода», «Когда всплывут золотые апостолы», «О чем играет пианист» и др. Живет в Минске.

Шах Софья Николаевна

Родилась в 1947 году в деревне Лесец Калинковичского района Гомельской области. Окончила Мозырьский педагогический институт имени Н. К. Крупской, Минский государственный педагогический институт имени А. М. Горького. Автор ряда книг поэзии, среди которых «Сияющая милость», «Прысвячэнне», «Дыядэмная споведзь», «Пад высокай лагодай нябёс» и др. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в городе Светлогорске Гомельской области.

Кадетова Валентина (Кадетова-Арестова Валентина Николаевна).

Родилась в 1951 году в деревне Николаевка Добрушского района Гомельской области. Окончила филологический факультет Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Про-

заик. Автор книг прозы «Ля трох пуцявін», «Варыяцыі на вечную тэму», «Лякарства ад стомы» и др. Живет в поселке Лукский Жлобинского района Гомельской области.

Павловский Александр Вячеславович

Родился в 1972 году в Минске. Окончил Минский государственный колледж кулинарии. Прозаик, драматург, переводчик. Произведения печатались в республиканских СМИ и в сборнике поэзии, прозы и публицистики «За все Создателю спасибо». Живет в Минске.

Быстримович Валентина Ефимовна

Родилась в 1957 году в городе Могилеве. Окончила факультет промышленного и гражданского строительства Белорусского политехнического института. Автор книг прозы «Куда несет водоворот», «Азарова внучка», «Рыжая бабочка» и др. Книга «Молоко единорога» стала победительницей стартапа LitUP 2023 года. Живет в Минске.

Репнина Мариэтта (Репнина Мария-Теодора Борисовна)

Родилась в 1971 году в Минске. Окончила исторический факультет Белорусского государственного университета. Автор книги «На пути к вершине» (проза, публицистика) и поэтических сборников «Ступени», «Ценою жизни». Живет в Минске.

Душечкин Андрей Андреевич

Родился в 1960 году в Минске. Окончил Белорусский театрально-художественный институт (курс Раевского В. Н.). Поэт, актер, ведущий мастер сцены Национального академического драматического театра имени М. Горького. Заслуженный артист Республики Беларусь. Автор книг «По ту сторону зеркала», «Отражения», «Два неба» и др. Награжден медалью «Франциска Скорины». Живет в Минске.

Адрес редакции
Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: neman@mastlit.by
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:
74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Технический редактор, верстка, дизайн: *Н. А. Артёмова*
Стильредактор: *О. В. Криводубская*
На обложке фрагменты фотографий *Владислава Цыдика*
Дизайн обложки *Натальи Артёмовой*

Подписано в печать 10.02.2026. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 9,94. Тираж 550. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов
Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2026
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2026
© УП «Мастацкая літаратура», 2026